

The background of the book cover features a long-exposure photograph of a night sky filled with numerous white and blue star trails, creating a sense of motion. At the bottom, the dark silhouettes of mountain ranges are visible against the twilight sky.

АРДАК ЕЖЕНОВА

ПУНКТИР ТАНЦА

Ардак Еженова
Пунктир танца

«Издательские решения»

Еженова А.

Пунктир танца / А. Еженова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834680-4

В этой книге вы не найдете сказочных историй или причудливых строк. Простая и суровая жизнь послевоенного поколения, вот в чем черпала вдохновение автор. Это произведение, словно эмоциональный слепок времени, льет свет на черты человеческой натуры, над которыми время совсем не властно.

ISBN 978-5-44-834680-4

© Еженова А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Танец	7
Мысли говорят...	8
Мы на улицах нашей жизни	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пунктир танца Ардак Еженова

© Ардак Еженова, 2016

ISBN 978-5-4483-4680-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Восторг от ёмкой краткости средневековой поэзии Японии и Китая, от изумительной вязи, к сожалению оказавшейся мне недоступной касыдов и газелей, заставили меня попытаться написать эту книгу.

Стихи отразили, как оказалось, печальную картину бытия прошлого века. В них, в стихах, я думаю каждый найдет отражение своих мыслей, чувств и настроения.

Танец

Наш танец
каждодневный —
он вычурен,
и таинство его, возможно,
никогда
не будет познано
никем из нас.
Возможно, его рисунок
повторяет дорогу звезд.
Наш танец,
танец нашей жизни
с уродливейшими
и искуснейшими па.
Мы живы,
пока пунктирен танец,
когда прямая – приход конца
и начало нашей
бесконечности.

не зависит результат
 решения
вопроса, как быть с
 нами —
будет так, как того
пожелает госпожа —
ее высочество судьба.

Намерения благие,
срок исполнения
 которых
откладывается бесконечно,
имеют удивительное
 свойство
превращаться в зло,
тем большее,
чем далее откладывалось
исполнение.

С годами
знакомые слова,
утрачивая блеск свой
изначальный,
являют лик свой
многогранный
и тогда
не забудьте вспомнить,
как в юности
в порыве возмущенья
благородного
устраивали суд чести
всякому,
кто посягал лишить их
блестящего покрова.

Про то, что сокрыто
в пластах сознания —
избраннейшим дано
 прочсть.
Обычно судим по тому,

Когда утрачена способность
как радоваться,
так и удивляться,
когда едино для тебя – дворец,
лачуга ли, —
о люди, как бессмысленна
ваша тщета
как возвеличивать,
так и уничивать...

Продираясь
по охотничьей тропе,
выкарабкиваясь
из ям-ловушек,
заваленных ветками,
к концу не остается сил,
чтобы любоваться.

Струится синей
дымкой
из трубки,
раскуренной долиной,
синяя тропка
к вершине горы,
тающая в облаках,
как следы
несбывшейся мечты.

Мы сами того не понимаем,
как охраняет нас судьба
Бывает, несостоявшееся
желание оплакиваем,
не ведая, что нас
обошла беда.

Угодно
мысль вознести
и осиянную светом
озарения
начертать в небесах
ветку молнии,
как знак
высшего смысла —
ветка, дерево,
корни – жизнь.

Расставание
созревает как плод.
Проходит
пору розового цвета,
как краткий блеск
 клинков —
грозовое лето
и осень долгую
с глухим стоном
падающих плодов...

Забыла лавка,
обласканная толстым задом,
что была плахой.
Забыла коса,
брошенная в угол сарая,
что была саблей.
Забыла веревка,
повиснув на ржавом гвозде,
что была петлей.
Останется ли плаха – лавкой,
Останется ли сабля – косой,
Останется ли петля – веревкой?

Время – шутник,
умеет
в мгновение ока
лавры заменять терниями,

а над безвестным черепом
подвесить нимб славы
и хитро щурить глаза —
как же этот
поймет ли шутку
его величества Времени.

Как удивительна
эта закономерность
в природе
и в человеческих чувствах —
грозе
предшествует жара,
а охлаждению —
пылкая страсть.

Средь всеобщего
дефицита,
средь калейдоскопа
изменчивых событий,
ценностей и цен,
единственный владыка
человеческим умом
и сердцем,
незыблемо восседающий
на троне своем
по сей день
творец державный – обещание!

Слепа удача? —
ошибаетесь.
Она заведомо
вычисляет координаты
своей посадки,
выбирая плешь
среди кудрей,
слабого среди сильных,
урода среди красавцев,
глупца среди умных,
ибо они сумеют

превратить свои достоинства
в блестящее орудие
для достижения цели.

Года подводят к той черте,
когда подорванный
тяжкой ношей прошлого,
у господ просишь одного —
дай силы на своих плечах
донести до могильных плит
и унести с собой свои заботы,
ничего не перекладывая
на чужие плечи.

Как обольстительна,
как желанна,
как сладок твой
смертельный укус.
Тобой отравленный
и падая в пропасть
мнит, что возносится,
тобой отравленный
и под пятой
мнит, что властвует,
осмеянный, мнит,
что его обожествляют,
бессмертная и всеильная —
Лесь!..

Что же с нами
такое сотворено,
по чьему же повелению —
бога или сатаны, —
проходя сквозь чистилище,
как иначе
нашу жизнь назвать
остаемся по-прежнему
глухи и слепы.
Что это? – испытания,
ниспосланные богом,

или происки сатаны?

Та бездуховность,
что царит
в современных
песнях,
как нельзя лучше
подтверждает истину —
в песне душа народа.

Как чары велики твои,
о льстивые слова,
самые трезвые умы,
самые благородные сердца
никогда еще не могли
устоять
против твоего тарана,
никогда еще не могли
избежать
твоих тенет,
особенно когда вы
произносились
теми, кто знал
обратное их смыслу
воплощение.

Наша привычка
выдавать
желаемое за действительное
всегда приводит
к неожиданным результатам,
несмотря на якобы
просчитанность
и обдуманность действий...

Все наши умозаключения,
обеты, данные себе,
все клятвы,

знание последующих событий,
все летит
в тар-тарары
перед могущественной властью
необходимости
данного момента.

Кто сказал, что обида,
нанесенная другому,
во имя душевного покоя
родного человека – свята.
Когда б вы знали,
что это – бумеранг всегда
и удар обратный,
мощней, чем тот, который
был начальным...

Громыхание
колесницы Зевса
нынче всего лишь
гром,
как божественная искра
сегодня подменена
уменьем вовремя
польстить...

На застиранную серую простыню
вместо прекрасного голубого купола
натываются сегодня глаза,
которые возводятся к небесам
в смиренной молитве
якобы о хлебе насущном,
и тотчас опускаются с содроганием,
ибо видят итог
своих греховных деяний,
которые не оставили
даже на небесах ни клочка,
чтобы возвести – где уж храм—
хотя бы каморку для души.

модель, выдававшую
себя за государство...

Серебристый шпиль
телебашни на горе —
антенна телевизора,
на который
бессмысленно глазееет
юродивый город,
валяющийся у ее подножия,
накрывшись
грязным одеялом смога.

Как можно
так безжалостно
обманывать ожидание.
Это то же самое, что
из золотого яйца
вылупился гадкий змееныш —
стянутое покрывало
в мастерской скульптора
явило на свет
громадную фигу,
которая долженствовала
обозначать образ
благоденствующей нации.

За порогом уже начинается,
лезет в глаза,
слышится в словах
властвующая везде нищета,
которая сегодня – увы —
стала фасадом строения
всеобщего благоденствия,
которое столь долго строилось
до вчерашнего дня.

Загнанные безысходностью,

извиваясь на копье
нищеты,
по неведению и наивности
вообразили себя гегемонами,
личностями, людьми,
в то время, как
всего лишь навсегда
подопытные кролики,
разложенные
на хирургическом столе
истории
под ножами правителей.

О, если власть —
дьяволово порождение,
то, разумеется, действует
по его наущению,
чем объясняется
ее абсолютно коварная,
бесчеловечная суть.

С трудом разрушив,
взрывая динамитом,
сработанное навека
дело рук мастера,
построив длинное строение,
слепленное кое-как неумехами,
только тем и занимаются ныне
господа власть предержащие,
что на потеху всего света
себе и другим внушают,
что сие мол – супермодель,
замирая в душе от страха
от каждого толчка —
вдруг да рухнет
и сбежать не успеют.

Когда ведут
чужим умом высчитанным,
чужой рукой вычерченным

курсом,
по заимствованным
учениям и понятиям,
как правило, не доходят
не только до обещанного рая,
а блуждают долго и отчаянно,
что под конец мечтают добрести
хоть до ворот ада.

С детства,
так долго, как долго
умело нам вдали,
завидовала революционерам.
А теперь синею от зависти,
завидуя себе.
Эк подфартило —
пожила в «светлом будущем»,
так досыта накушалась всякого «изма»,
что будет чем
отрыгиваться
до конца своих дней...

Приходит та черта,
когда
предпочитаешь патоке
обещаний благоденствия
правду направленного дула...

Мы на улицах нашей жизни

Улица
как бесконечное русло
живой реки
страдающих
оставить следы
на берегу.

Девочку с лицом
застенчивой луны
встречаю каждый день
я в тусклом переулке.
Как сломанная ветка
повисла рука,
а в глазах – ожидание
чуда:
зеленых листьев
на высохшей ветке,
так похожей на ее
руку...

Дороги, дороги...
Кто прядет
бесконечную пряжу
этих дорог.
Мне земля представляется
тугим мотком
запутанных дорог.
У меня нет конца,
чтобы бросить моток
пред собою и пойти,
чтобы найти себя.

Башенные краны
как аисты

взмахнули крыльями,
неся в клювах
белый сверток городу —
комнату
строящегося дома
для кого-то
из счастливых.

Дремучий взгляд
горбатой животины
провожает взглядом, как спуют
по серому асфальту,
как мыши,
автомашины.

На женском теле берез
выжженные черной молнией
мертвые зрачки —
следы срубленных веток.
Рядом – невинная,
первой весны березка...

Выставив
худые ребра перекладин,
опираясь на опоры,
как старуха на костыли,
прохудившийся мосток
через усталую речку
все еще висит
меж двух берегов.

Срываю
зеленой лужайки веснушки —
одуванчики,
чтобы дарить прохожим —
пусть каждый
вообразит,
что он поймал

солнечного зайчика.

Они как бабочки в яркий цветок
впились в ромашковое поле
объявлений,
незажатые края которых
ветер загнул лепестками.
И ищут, высасывают
желанья, надежды, мечты,
а потом в записные книжки
или обрывки бумаги
выписывают адреса своего
Эльдорадо.

Таинство
недостроенных дворцов
неведомое обещают
завтра,
но сегодня
эти громады, развешанные
на синих полотнах ночи
с нацеленными в них
прожекторами,
я вижу великими
развалинами
Вчера.

У этого тепла
такой холодный блеск,
но радуешься и ему.
Так возвращает
к уличному шуму
из тишины погоста
скрежет экскаватора,
который только что
вырыл очередную яму...

Замутненным,

жалостливым взглядом
смотрит небо
на грязь, мокрый снег,
на снующий согбенный люд,
прикидывая —
чем бы эдаким пронять
замороченных несчастных,
чтобы они хотя бы заметили
приход весны.

Не надо,
не ослепляй, не заставляй робеть
пред обильем золота,
рассыпанного
в осенней роще.
Пощади,
ведь нам привычно
жить,
и снова возвращаться
в серую убогость
микрорайонов.

О боже,
у рабов своих, балансирующих
по натянутым
между рассветом и закатом
канатом очередей,
которым отпустил ты
только рабское.
Отыми, умоляю, вожделение —
вожделение красоты,
ибо оно многократно
умножает его
и без того
немалые муки.

Как дворняге,
посаженной на цепь,
которой лишь дано
облаивать прохожих,

высунув морду
из-под ворот.
О мы, посаженные
на цепь лишений,
о чем мы
можем твякать,
как только не о куске,
который, возможно,
достанется дороже, завтра нам,
чем сегодня.

Этот серый и сирий
день,
что трепещет редкими
листьями
на осенних деревьях,
заставляет сердце
щемить —
так правдиво являя
собой
картину нашей
сегодняшней жизни...

Ломтик золотой луны —
вспышка желтая
звонкой серьги,
жемчуга меж рубиновых
губ —
ах, красotka,
ты живая витрина
зергера
или фурия газелей,
которая так гордо
проходит
мимо зевак.

Что заставило
эти измаянные,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.